

18+

ДАНИИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МЕЛИХОВ

**ТРИЛОГИЯ
О ПОВАПЛЕННЫХ
ГРОБАХ**

Даниил Яковлевич Мелихов

Трилогия о повапленных гробах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73265623

ISBN 9785006920583

Аннотация

Роман в стихах из трёх частей Достиг читательского взгляда О бренности людских путей, Что тянутся к жаровням ада. Нравоучительный роман Расскажет про самообман, В котором на короткий век Спасенья ищет человек.

Содержание

Вступление	5
Поэма 1 Воспоминания утопленника (2021— 2022)	6
Песнь 1 Сновиденье	6
Песнь 2 Явь	20
Песнь 3 Поэт	34
Поэма 2 Исповедь изгоя (2022—2023)	49
Песнь 1 Неожиданная встреча	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Трилогия о повапленных гробах

**Даниил Яковлевич
Мелихов**

© Даниил Яковлевич Мелихов, 2026

ISBN 978-5-0069-2058-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Решительным движением длани своей он отворил дверь одной из душных комнат моего маленького дома. Вытянутая рука его держала за волосы извивающуюся, окровавленную голову, лицо которой покрыто древесной коркой. Он кинул голову на пол с силою великой, оросив желтою жидкостью потёртый линолеум. Походящая на осьминога из-за шевелящихся корней, торчащих из затылка, голова, несмотря на полученный урон, не потеряла своей природной резвости и тут же ретировалась, цепляясь корнями за неровности пола, в правый угол комнаты, забившись под кровать.

Муж правый, пылая ревностью к правде Божией, обличал нас, собравшихся в комнате той, лжецов такими словами: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь повапленным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония¹»

И никто не смел ему возразить.

Ибо не имел он порока, ибо истина в глаголах его...

¹ Прямая отсылка к Евангелие от Матфея глава 23 стихи 27—28. Автор ссылается к синодальному переводу, однако слово «повапленный» заимствовано из церковно-словенского текста.

Поэма 1 Воспоминания утопленника (2021—2022)

Песнь 1 Сновиденье

(записано сие со слов Савелия)

И опять возникли чувства
Ностальгии и безумства
В голове моей больной,
Будто снова ты со мной.

Как чудна была та встреча...
Как всему противореча,
Ты предстала перед мной
В день тот давний, роковой...

Обнажить воспоминанья
Не могу без содроганья,
Без катящихся из глаз
Слёз, как вспомню в всякий раз.

Помню, в светлую ту пору
Я бродил среди простору.

Трав там множество росло,
Было радостно... тепло...

Вдруг, тот дол переменялся,
Мрачным лесом обратился.
Зелень, падшею листвою,
Стала, день сменился тьмой.

«Леса мрак... где свет долины?...»
В ступор впал от сей картины.
И минут лишь через пять
Смог я вновь душой воспрять.

Крестно знаменье содея,
До конца душой не веря
В происшедшее со мной,
Я пошёл лесной тропой.

Долго я ходил по кругу,
Каждому пугаясь звуку,
Правую искав стезю
В тёмном, сумрачном лесу.

Страхом обдало сознание,
Я оставил упование,
Бросив все свои труды
Правый путь во тьме найти.

Сбросив темп и встав понуро,

Я окинул лес угрюмо
Взглядом, и сошёл с пути—
Я устал вперёд идти.

Упершись спиной в ствол, ели,
Сел, прижав к груди колени,
И слились мы – лес и я —
Внешний мрак и тьма нутра.

Помрачилось сознание,
Страх сковал, сперло дыханье,
Ужас обуял меня—
Будто я схожу с ума.

Вдруг, в дали, во мраке где-то
Я увидел лучик света.
Через деревья и кусты
Приближался он в ночи.

Тусклый лучик через минуту
(Уж, наверное, не буду
Это я, сказав, лжецом)
Стал подобен солнцу он.

Страх, меня терзавший прежде,
Уступил в душе надежде,
Что в светлеющем луче—
Окончанье этой тьме.

Луч приблизился вплотную,
Разрезая мглу ночную,
Всё в округе осветя
Светом, солнцам равным ста.

И, прищурившись, смотревши,
Всей душой остолбеневши,
В стену белого огня
Колыхнулся духом я.

Разобрав в том сгустке света
Очертанье силуэта,
Изменился мир сей вновь.
Вдруг, застыла в жилах кровь.

Обратилось то пыланье
В лампы тусклое сиянье,
Что держалась перед мной
Чьей-то тонкою рукой.

В той минуте полуночи
Вверх возвёл свои я очи,
Чтоб утих тревоги дух,
Ускорявший сердца стук.

Что увидел пред собою,
Сложно описать строкою.
Виноват не страх тиши,
Но избыток чувств души.

Всплывший предо мною образ
Подавил тревоги голос.
В метре от себя в тот миг
Девичий увидел лик.

Как в оковах, но свободна,
Лёд, но пламени подобна:
Холодность в чертах лица,
Но полны тепла глаза.

И полно сей провиденье
Доброты и снисхожденья.
Духом мягка и скромна,
Но решимость в ней видна.

Хрупка телом, невысока,
Карий цвет её был ока.
Власы по плечо длиной
И черны, как будто смоль.

Вот такое описание
Создал я в своём сознание
За секунду лишь в той мгле
О том милом существе.

Надомной творенье света,
В ожидании ответа,
Словно камень, замерла,

Изучающе смотря.

Смерть в физическом обличье,
В ужасающем величье,
Я увидеть был готов.
Но итог сей был таков...

Что из этих страшных терний,
Где на смену мгле вечерней
По исходу срока дня
Уж давно ступила тьма,

Вместо дьявола во плоти,
Что точит во гневе когти,
Вышла в этот тёмный час
Та, о ком веду рассказ...

Сильно этому смутившись,
Всей душою удивившись,
Покрасневши будто рак,
Я подать пытался знак.

Но та грация девичья
И моё косноязычье...
Вопрошению в ответ,
Откровенный нёс я бред.

Женский взор той чащи дикой
За поднятой мной шумихой

Наблюдал, так не таясь,
Будто надомной смеясь.

И на все мои вопросы,
На бесплодные допросы
Лишь сказала только «Тссу...»,
Пальчик приложив ко рту.

Как любимых, что разлука
Отдалила друг от друга,
Лишь чрез долгие года,
Снова вместе их сведя,

И при самой первой встрече,
Потеряв своей дар речи,
Смотрят в новые черты
Старого ища следы, —

Так и мы под стволом ели,
В полной тишине смотрели
С душ раскрытыми дверьми,
Будто бы знакомы мы.

Как душевно! Как сердечно!
Эх... Ничто не длится вечно.
Как бы не хотелось им
Жизни миг не удержим.

То прелестное созданье,

Что души предмет пылания,
В полуночной тишине
Протянула руку мне.

За её я руку взявшись
И с земли сырой поднявшись,
Отряхнулся от песка—
Девушка вперёд влекла.

Через терн и лес еловый,
Доброй сущностью ведомый,
Что надежду мне даёт,
Продвигался я вперёд.

Я оглядывался чутко,
Всё вокруг мне было жутко:
Стал казаться лес иным,
Шобуршащимся – живым.

Колыхнулась ветка древа
Ветром, птица ввысь взлетела,
Треск кустов и чей-то вой
Там, где раньше был покой.

Вздвогнув, потакая звуку,
Взял я спутницу за руку,
Телом всем прижавшись к ней, —
Так и шли средь древ и пней.

Осень стала вдруг зимою,
Но а мы всё той тропею
Продвигаемся чрез снег—
Мир в моих глазах не блек.

Холодны ветра те были,
Но она давала силы,
Игнорируя тот гнёт,
Продолжать идти вперёд.

Два часа минуло сроку,
Как ступил на ту дорогу.
Ход давался мне с трудом...
Фуф... Вдали виднелся дом.

Небольшой, украсил холмик...
Нет, ни дом... скорее домик,
Что из брёвен сотворён,
Сделан был добротнo он.

Шаг за шагом понемногу
К дому подошли порогу.
«Подожди чуток, милоч», —
Молвил нежный голосок.

Чрез одно мгновенье только
Отворилась дверь тихонько,
И шагнули мы вдвоём,
Не колеблясь в тот проём.

Комната совсем пустая,
Пелена висит густая
В вышине у потолка,
Излучая свет слегка.

То невиданное диво
В тот момент не удивило
Измождённого меня.
Сел я на пол у окна.

Здесь тепло и так спокойно,
Я расслабился невольно.
Больше я сидеть не мог—
Я, забывшись, на пол лёг.

Вскоре девушка присела
У недвижимого тела,
Ручкой хрупкой поманя
Истощённого меня.

Кисти ласковым движеньям
Вняв, припал к её коленям
Грузной головой своей.
«Обходись со мной нежней.

Будто бы забыв бывшее,
Говорить тебе такое
Было б нагло – знаю я,

Но послушай ты меня.

Затянула разум ряска,
Лишь твоя способна ласка
Возродить душевный свет,
Что потух под гнётом бед».

Говорил ей, засыпая:
«Ты мне стала как родная,
Словно мать или сестра,
Ты от моего ребра.

Хоть недавно мы знакомы,
Нас сроднили буреломы.
Поделись руки теплом
Ты с моим холодным лбом.

Смолк, тепло руки почуя,
Головой, душой смакуя,
Произнёс я, не стерпя,
Мысль свою: «Люблю тебя!»

Я люблю тебя всецело!
Душу, разум твой, и тело,
Каждую твою черту...»
Молвил в сонном я бреду.

Лепестки роняют розы —
Также как струились слёзы

С глаз её в ответ сиим
Пламенным речам моим.

Радостно и очень грустно,
Мне не передать то устно,
Мне не описать в стихах, —
Чуть одна лишь на устах.

И, поддавшись дремоте,
На её коленках, вроде,
Услыхав какой-то звон,
Провалился в крепкий сон.

...

Я проснулся на кровати.
Разобраться в деле ради,
Я привстал и оглядел
Комнату, где я сидел.

На стене сей помещенья
Был ковёр для украшения,
Столик письменный в углу
С стулом, на его полу

Был линолеум постелен,
Шкаф стоял, к стене приделан
Телевизор небольшой,
Звон, мой нарушал покой.

То на тумбочке будильник,

Рядом с ним стоял светильник,
Полутьму он освещал
Тусклым светом. Я молчал.

Вышел я из полудрёма.
Всё мне здешнее знакомо:
Это комната моя,
В доме сем моя семья.

Замер. В голове догадка
Появилась. Как же гадко
На душе мне с тех времён!
«Неужели это сон?..

Вся та жизнь мне лишь приснилась?..»
По щеке слеза катилась.
Стал холодным тёплый взгляд
Скорбной грустью я объят.

С этих пор прожил неделю,
Но в душе своей лилею
До сих пор – любви оплот —
Образ непорочный тот.

Я на встречу уповаю
И опять к тебе взываю
В мраке комнаты пустой:
«Ты, прошу, вернись... постой...

Ты ведь просто сновиденье,
Мимолётное мгновенье.
Почему же больно мне,
И все мысли о тебе?..

Только импульс нервных связей,
Ты лишь плод моих фантазий.
Понимаю это я,
Но мне грустно без тебя...»

Песнь 2 Явь

*Он мчится к Лавру, чья листва скрывает
Язвительный для уст, горчайший плод,
Что раны больше жжёт чем исцеляет.
Ф Петрарка*

(записано сие со слов Савелия)

Я проснулся рано утром.
Многим вид мой схож был с трупом.
Встав, лицо своё умыв,
Чашку с кофе осушив,

С видом сонным и унылым
Я покинул дом, что милым
Был для сердца моего
До события того.

Сел в набитую маршрутку
И, поставив на прокрутку
Плеер, взглядом в куче сей
Я искал среди людей

Ту, чей образ и поныне
Мне подобен был святыне.
Хоть с тех вымышленных дней

Месяц уж минул, скорей.

В муках я умру, невежда,
Чем падёт во мне надежда
Как тогда прижаться к ней,
Блеск увидеть тех очей.

Но, увы, назло поэту,
Тех прелестных глазок нету
Здесь. Умом я понимал,
Как усердно б не искал.

Впав в раздумье поневоле,
Я к своей подъехал школе.
Выйдя из дверей одних,
Вмиг я пленником иных

Стал. И вот сию за партой,
Взгляд мой увлечён был картой,
Что со мною наравне
Находилась на стене.

Помню лес и то создание...
Вновь во мне воспоминанья
Ожили – тот лес и дол,
Сладкие, но как укол.

Глас отринув разуменья,
Стал искать я в те мгновенья

Средь равнин, пустынь из льда,
Те, мне милые места...

И в безумственном азарте
Бегал взглядом я по карте.
Мыслей собственных рабом
Оказался я. Но гром

Чьих-то слов прервал раздумье,
Душу вывел из безумья.
Вот такой вопрос простой:
«Эй, Савелий, ты живой?»

Для эмоций тех разрядки
Я ответил: «Всё в порядке,
Нет в мне мёртвости ничуть,
За меня спокоен будь».

Вот к нему я повернулся
И беспечно улыбнулся,
Чтоб его сомненья тень
Обратилась в правды день.

И опять сижу, печальный.
Шаг к безумству тот отчаянный
Страх во мне не вызывал,
Но, напротив, привлекал.

Где входной двери порожек,

Топот я знакомых ножек
Услыхал, и силуэт
Промелькнул глазами пред,

В двери, чуть приотварённой.
С мира, вновь душой лишённой,
Мне хотелось резко встать,
Но я смог себя сдержать.

В лице спрятав изумленье,
Подавив в себе волненье,
Отпросился в туалет,
Чтоб за ней пойти вослед.

Вышел я из класса вскоре.
Ни намёка в коридоре
На её присутствие нет.
Я искал отчаянно след.

С этим я не мог смириться
И, как дикая лисица
В клетке, оказавшись вдруг,
Мечется на каждый звук,

Так и в этом коридоре,
Бывши с головою в соре,
То вперёд направив взгляд,
Я бежал, то вновь назад.

Всё оббегав в этой школе,
Не имея силы боле
Продолжать искать её.
Бросил дело я своё.

И отправился обратно
В класс, вновь начав мыслить складно.
Рассудив в самом себе:
«Видно, показалось мне».

В кабинет, зайдя учебный,
Встречен речью я враждебной
Был, за то, что полчаса
Шлялся в коридоре я.

Надпись, в знак ходьбы напрасной,
Пастой, словно кровью красной,
Получил я в свой дневник.
Сел и духом вновь поник.

Вот закончились уроки.
К остановке по дороге
Я иду, чтоб сей маршрут
В дома ввёл меня уют.

Еду я в маршрутке снова.
Не найти такого слова,
Чтобы мне вам передать
То, что видел я опять.

Был к окну прикован взглядом
Я, сражённый бреда ядом:
Серой меж толпы людской
Образ, сердцу дорогой,

Промелькнул. «Остановите!» —
Я вскричал, – «Эй, пропустите!
Дайте вы проходу мне!
Чтоб вас в адском всех огне!»

И под гнётом мысль, терзавших,
Проклиная преграждавших
Путь, я к двери подошёл,
Вышел, взгляд вперёд возвёл.

Лишь оббегав всё в округе,
Я в душевном том недуге,
Встав на месте, стал угрюм,
Вновь обретший ясный ум...

Пересёк черту проёма
Двери я родного дома,
Спальни дверцу отворил,
На кровать упал без сил...

Уж луна сменила солнце,
И погас в моём оконце
Свет, когда, раскрыв глаза,

Встав, побрёл на кухню я.

Свет зажёл, что был потушен,
Разогрел холодный ужин.
Ложкой, бледный словно труп,
Я черпал вчерашний суп.

«Может быть, она забыла?..
Иль себя специально скрыла
От очей моих тогда?..
Где же ты, моя звезда?..

Яркий луч ночного неба...»
«Как сопливо и нелепо...» —
Чей-то голос отвечал.
«Кто здесь?!» – в страхе я вскричал.

Взглядом кухню я окинул —
Никого... «Куда ты сгинул?»
«Нытик, да ещё слепой...
На столе я пред тобой!»

Вновь к столу я повернулся,
Собеседник усмехнулся:
«Что, узрел меня теперь?
Человек, свой пыл умерь!»

«Говорящая стекляшка?...»
На меня смотрела чашка,

Из которой всякий пьёт,
У неё был глаз и рот...

«Что?! Стекло?! Довольно вздора!
Создана я из фарфора!
Что так смотришь на меня,
Будто не отшёл от сна?»

И от чашки той глагола,
Как когда заместо дола,
Лес моим очам предстал, —
Так и щас я в ступор впал.

Но душевную ту смуту
Я развеял чрез минуту
Мыслью здоровой, что мир сей
Полон вещью и чудней.

Где-то ж вроде говорили,
Что дельфинов научили
Разговаривать. Так чем
Чашка вам плохой пример?

Я спросил, покой обретши,
У стекла вопрос назревший:
«И на что сей болтовня?
Что ты хочешь от меня?»

«Слушай, вняв твоим молениям,

Я словами утешенье
Принести тебе хочу.
Верь, с тобой я не шучу.»

«Знаешь, эти откровенья
Не внушают мне доверья.
Слов нектар, что рот иссяк
Твой, наполнили мне яд.»

Чашка вся побагровела,
Забурлила, закипела,
Жидкость, сверху хлынул пар —
И расплавил этот жар

Скатерть, стол, что накрывала...
Чашка гневно источала
Слов из уст своих поток
И из недр кипятков.

«Хватит! Этими словами
Уподобился ты твари,
Что визжит в среде гнилья!
Ты ведёшь ся как свинья!

Как никто другой стараюсь,
Я тебе помочь пытаюсь!
К пререканиям ты страсть
Угаси, захлопни пасть!»

Тишина... Но чрез мгновенье
Вновь стакана изречения
Раздалися в тишине,
В сей раз мирные вполне.

«Выслушай, нетерпеливый,
Образ, так тобой любимый,
В жизнь твою, вернуть готов,
Я. Лишь вихрю внемли слов.

Ты придёшь к тому созданию,
Просто следуй указанию,
Моему». – «Хоть шас в ночи...»
– «Ой, да хватит! Замолчи!...»

Монолог продолженье
Опущу, и возвращенье
В слов симфонию эту вот
Я с других продолжу нот.

Я горел от нетерпенья
И испытывал волненье,
Шёл по улице ночной
Я, стакан держа рукой.

«Видишь, вон, ларёчек Сава?»
«Вижу». – «До него и вправо».
Так движение стопой
Освещал ведущий мой.

Люди спутнику дивились
И со странностью косились
Всякий раз, как мимо шли,
Взглядом чашку будто жгли.

Ну, не мудрено, что странно
Слышать звук из уст стакана,
Людам, ведь, когда узрел
Я и сам остолбенел.

«Вот мы и пришли, Савелий.
Чтобы нам достигнуть целей
Сих, что нас сподвигли в путь,
Нужно подождать чуть-чуть».

Остановленный глаголом,
Неожиданностью с громом
Схожим, сел на лавку я
И смотрел окрест себя.

Находился в месте этом:
Гипермаркет жёлтый цветом,
Чей подсолнух – верный знак;
Свора бегала собак;

Силуэт трубы гигантской,
«Мясокомб... нат Астраханской»
Над заводом знак висел,

Символ «и» перегорел.

Вот такая вот картина
«Серый мир простолюдина»
Или «мрачность бытия»
Простерлась вокруг меня.

Вдруг, тот самый вожденный,
Образ... ангельский, священный,
Перед мной, с небес сойдя,
Встал, мир серый осветя.

С ней мы встретились глазами...
Мне не выразить словами,
Что я испытал в тот миг.
Глаз тепло, холодный лик...

«Потерпи ещё немножко».
К голове моей ладошка
Прикоснулась нежная.
Тьма пропала, внешняя.

«Как в те времена бывшие
Шли сквозь заросли лесные,
Так дорогою ночной
Ты и щас, ступай за мной».

Шли к мясному комбинату.
Новое предстало взгляду

Моему, под светом звёзд:
Вдалеке виднелся мост.

Будто на горы вершину,
Поднялись на середину,
Мы моста того, и вдруг
Стих её шажочков стук.

Та милашка обернулась,
Головой своей уткнулась
Мне в плечо. Видна луна,
Между нами тишина...

Но момент тот безмятежный
Вдруг нарушил голос нежный...
«Сава, милый, дай ответ
На вопрос мой: «да» иль «нет»?

Мир, что мною осязаем,
Для тебя недосыгаем,
И, напротив, твой мирок —
Сон, что ум мой обволок.

Через смерть нам только можно,
Целым стать, другое ложно.
Лишь в тебя я влюблена,
Как вином тобой пьяна...

Мне скажи, готов ли смело

Ты порвать оковы тела,
Чтобы вместе нам всегда,
Быть?» Я ей ответил: «Да».

Вдруг та сущность испарилась,
Чашка в дребезги разбилась,
Выпав из моей руки.
Я смотрел на гладь реки...

...

Песнь 3 Поэт

(записано сие с моих слов)

Незаметный в серой массе,
У двери я в душном классе
В тот сидел осенний день.
Дух мой обуяла лень.

Клонит медленно, но верно
К парте сон меня. Наверно,
Я и впрямь уснул бы там,
Если бы не внял словам,

Прозвучавшим всех слов громче
В классе том: «Урок окончен!»
Вещи быстренько собрав,
Всех पहले, стул подняв,

Я покинул помещенье.
«Ох... окончилось мученье», —
Произнёс я про себя,
В гардеробную ступя.

Не сказавши на прощанье
Ни «пока», ни «до свиданья»,
Я покинул зданье то,

На ходу надев пальто.

В тихой, мирной обстановке
Шёл неспешно к остановке
Я, смотря по сторонам.
Дивно всё мне было там:

Здесьнее – глазам услада,
Всё ж прелесен центр града...
Ладно, уж не буду я
Сад и башенки Кремля

Вам описывать стихами.
То домыслите вы сами.
Между тем я дошагал
К остановки и искал

В сумке и карманах деньги.
Не найдя в них ни копейки,
Я вздохнул, тоской объят,
Сдохлой рыбой схож мой взгляд.

О случившейся проблеме
Напрягал недолго теме
В настроении плохом—
Я пошёл домой пешком.

Долго топал по дороге,
Час иль два, ночь на пороге.

И уж было мне невмочь
Ноги по земле волочь.

Сел на лавку отдышаться.
Будет глупостью вдаваться
Мне в пейзажи этих мест,
Но представшее окрест

Опишу тремя словами:
Магазин прям пред глазами,
Жёлтый, слева от меня.
В сумраке труба видна,

Здоровенная, вплотную
К ней продукцию мясную
Создающий комбинат,
И огромный мост стоят.

Выровняв своё дыхание,
Вновь я начал расстоянье
Сокращать, ведя свой ход
В сторону моста, вперёд.

Вот дошёл до середины
Я моста того... и ныне
Содрогаюсь, вспомнив то,
Взгляду там предстало что.

Видел у своей дороги,

На периле, свесив ноги
В пропасть, паренёк сидит —
Лет шестнадцать на вид.

С видом мрачным, обречённым,
Смотрит взглядом отрешённым
Он на водяную гладь.
Ясно мне, как дважды в пять,

Собирается он прыгнуть.
«Стой!» – хочу ему я крикнуть,
Но, коснувшись плеча
До его, я, с горяча,

Отшатнулся, страхом взятый,
Диким ужасом объятый.
Словно тот, кто в мгле ночной
Крайней пробуждён нуждой,

Вышел с спальни ненадолго,
А, вернувшись, видит волка
И, в дверях застывши, он
Рассуждает: явь или сон?

Точно также был смущённый
Я, тем фактом изумлённый,
Что моя минула длань
Сквозь его предплечья грань

Воздух вечера холодный
Разделял со мною мёртвый.
Дух, в сияющей луне,
Обратил лицо ко мне,

Помышлял свершить я бегство...
Он спросил: «Ты помнишь детство?»
«Д-д-да, те первые года
Жизни чётко помню я».

«Нет во мне не капли злобы,
Я ведь тоже из утробы
Женской, вылез в этот мир,
Я не зомби, не вампир.

Что оторопел душою,
Будто монстр пред тобою?
До случившейся беды
Человек я был – как ты».

Эти мёртвого глаголы,
Будто бы иглы уколы,
Сняли с духа пелену
Страх, что подобна сну.

Страх сменило любопытство.
«Не сочти ты за бесстыдство
Сей вопрос, что душу рвёт, —
Что же так тебя гнетёт?

В чём причина здесь томленья?
Что не в вечные селенья
Всходишь ты, а здесь сидишь
И на гладь воды глядишь?»

«Коль тебе так интересно,
Как художник, но словесно
Опишу я, больно хоть,
Как свою покинул плоть».

И, произведя вздыханье,
Начал дух повествованье
И поведал то, что вы
С прошлой знаете главы...

Он замолк. «Что ж, дальше было?
Та любовь тебя убила?
Ты историю сию
Доскажи, Творцом молю!»

«То излишнее доверье
Привело меня в преддверье
Ада! С грешною толпой
Шёл я проклятой тропой...

Над вратами в град печали
Я зловещие скрижали
Видел, и в отчаянье лил

Слёзы. Смысл их так гласил:

«Всяк вошедший в град страданья,
Да оставит упование».
И войдя в дверей тех тьму,
Явлен взору моему

Люд, терзаемый слепнями!..
Бегал тот народ кругами,
Кровь их ран и слёз ручей
Кормом были для червей,

Устилавших землю эту.
Почему при жизни к свету
Не стремился я?! Присек
Я на что свой смертью век?!...

...

...Плыли мы в ладье Харона²
Через воды Ахерона³,
Проклиная в сотый раз
Своего рожденья час.

К лимба⁴ берегам причалил

² Харон – перевозчик душ умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в подземное царство мёртвых. Сын Эреба и Нюкты.

³ Ахерон – одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида (другие четыре: Коцит, Флегетон, Стикс и Лета).

⁴ Лимб – термин, использовавшийся в средневековом католическом богословии и обозначающий состояние или место

Бес челнок свой и отправил
Дальше в путь к судьбе своей
Нас – печальный сонм теней.

Лимб пройдя крутым откосом,
Мы предстали пред Миносом⁵,
Выносил чей строгий взор
Грешным душам приговор.

Встали пред своим судьёю
Мы огромною чредою,
И вершились суда
Взмахами его хвоста.

Всяких видел я: убийцы
Здесь судились, и мздоимцы.

пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем. Согласно представлениям о лимбе, в нём пребывают души тех, кто не заслужил ада и вечных мук, но не может попасть в рай по независящим от него причинам. Считалось, что в лимбе пребывают души добродетельных людей, умерших до пришествия Иисуса Христа, а также души некрещённых младенцев. Понятие о лимбе широко распространилось в западноевропейской теологии, богословии и иконографии, начиная с XIII века. В «Божественной комедии» Данте лимб – это первый круг ада, где вместе с некрещёными младенцами пребывают добродетельные нехристиане – философы, атеисты, поэты и врачи Античности, а также герои языческого мира.

⁵ Минос – легендарный царь «столицы» Древнего Крита – Кносса. Сын Зевса и Европы, муж дочери Гелиоса Пасифаи, отец Ариадны, Федры и других детей. Жившему до Троянской войны, ему приписывают введение законодательства на Крите и утверждение морского могущества острова.

Но, по большей части, сей
Край вмещал простых людей.

Столяров, врачей, юристов,
Режиссёров и артистов,
Множество наук мужей,
Чьих-то мам и дочерей...

Разный люд, одним лишь схожий —
Не стремились к правде Божьей.
Подошла моя пора,
Встал пред бесом мрачный я.

Рёк земель властитель тёмных:
«Выйди из предела мёртвых!!!
Смерти час не прозвенел
Твой, покинь ты сей предел!!!»

Удивленье речью беса
Для души, по мере веса,
Было равным встречей с той,
Милой мне, во мгле лесной.

Вняв словам сим непонятым,
Шагом я пошёл возвратным
И, пройдя вновь через врата
Ада, я попал сюда.

«Вот, своим познал ты слухом,

Как я стал бесплотным духом...»
Рёк он, но от слов ручья
Лишь сильней смутился я.

«Дух, твой сказ во многой мере
Схож с словами Алигьери⁶.
Но не этот факт занёс
В голову мою вопрос.

Где же в те мгновенья была
Сущность, что тебя пленила,
Что тебе с небес дана,
Та прелестная жена?»

«Дух да дух, ушам отрава.
Называй меня ты Сава.
Знай, глагол ответа мой
Может мутным быть, порой.

Та, представшая девица
Предо мной, была лисица,
В общей сущности своей —
Плод мечты, моих страстей.

⁶ Данте Алигьери (1265 —1321) – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель. Создатель «Комедии» (позднее получившей эпитет «Божественной», введённый Боккаччо); «Божественная комедия» является одним из основополагающих произведений западной литературы.

Детства дол, покинув светлый,
Лес увидел я враждебный,
Тьма на душу мне легла:
Правды, лжи, добра и зла...

Начал я любви исканье,
В сути бытия вниканье,
Поиск правды в мире лжи...
Не дурак ли я, скажи?

Я искал, но лишь ничтожность,
Грязь и вздор, мирскую пошлость,
Праздность, быющую ключом,
Видел в племени людском!

Мерзкий люд о Божьем даре
Что гласит как о базаре!
Осквернивший суетой
Дар Творца, любви благой!

Вздор!.. людская аморальность!...
Я принять не мог реальность!
(Брань сия со тьмой мирской
Бедный дух терзала мой).

Чтоб сомненье не витало
Над душой, я идеала
Силуэт, подобный чуме,
Стал чертить в своём уме.

От реальности враждебной
В мысли для души целебной
Скрылся я, лису взлюбил,
Сердцем всем, лишь ею жил.

Так желал я, так лелеял
Ту лису, что, впрямь, поверил...
Слились явь и лживый сон...
В прах глупец я обращён...»

«Да, Савелий, натаскался
Лгать ты так, что состязался б
В тёмном мастерстве своём
Без проблем с самим чертом.

Жизнь свою во многом разе
Я узнал в твоём рассказе.
Той лисицы злой оскал
В прошлом и меня пугал.

Я, решивший утопиться,
Буду о тебе молиться
И несчастную твою
Жизнь, в поэме воспою!»

«Ты поэт? При жизни тоже
Я писал, с тобой мы схожи.
Просвещал любви я труд.

Кстати, как тебя зовут?»

«Так, меня ты называй-ка
Даниил иль... просто Данька...»
К дому шёл уставший я,
С мёртвым разговор ведя.

По реакции прохожих,
В лицах во смущенье схожих,
Вскоре понял я: иным
Людам, дух сей был незрим.

Через час от водоёма
С Савой мы дошли до дома
И, открыв дверной замок,
Перешагнул я чрез порог.

Призрак же застыл у входу.
«В дом зайди же, мне в угоду», —
Я сказал ему тогда.
Он вошёл, проямлив «да».

Так мы стали с ним друзьями,
Словно Рюк и Лайт Ягами⁷.
Графоман, поэт-юнец,
И скучающий мертвец.

⁷ Герои из аниме Тетрадь смерти. Тетрадь смерти (Death Note) – культовое аниме, адаптация японской манги, написанной Цугуми Обой. Вышло с 2006 по 2007 г.

Вот сижу, сей сказ слагая,
Гласу мёртвого внимая,
О конце житья дурном,
Я за письменным столом.

Девы две с высот Парнаса⁸
В написании рассказа
Мне спустилися помочь.
Утро уж сменяло ночь.

Шепчет сладкие для слуха
Мельпомена⁹ мне на ухо
Рифмы, но разит копьё
Ум мой, смысла слов её.

А Эрато¹⁰, что любима
Боле прочих, несравнимо

⁸ Парнас – горный массив в центральной части Греции, к северу от Коринфского залива. Простирается с северо-запада на юго-восток по территории Беотии, Фокиды и Фтиотиды (Локриды), в Средней Греции, в периферии Центральной Греции. В древности Парнас считался священной горой Аполлона и местопребыванием муз.

⁹ Мельпомена – в древнегреческой мифологии муза трагедии. Одна из девяти дочерей Зевса и Мнемосины, мать сирен (от Ахелоя)

¹⁰ Эрато – муза любовной поэзии в греческой мифологии, одна из девяти муз-сестёр, богинь наук и искусства. Дочь Зевса, бога грома и молнии, царя всех богов и людей, и Мнемосины. Родила от Мала Клеофему. Со времён Ренессанса её в основном изображали с венком из мирта и роз, с лирой или маленькой кифарой.

Жительниц Парнаса мной,
Ублажала слух струной.

Звук божественной кифары¹¹
Наложил на душу чары
Вдохновенья, мысли сок
Изливал я на листок.

Вот уж солнце воссияло
В небе, слабость обуяла
Тело всё. Закончу тут
Многоточием свой труд...

...

¹¹ Кифара – древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент; разновидность лиры.

Поэма 2 Исповедь изгоя (2022—2023)

Песнь 1 Неожиданная встреча

(записано сие с моих слов)

Сильный ветер дул мне в спину.
Дня преодолев трясины
Из часов рабочих, я
К остановке шёл, спеша.

И со мной шагает рядом
Дух, что был отвергнут адом,
Бедный лирик-символист,
Утонувший утопист.

Тут полил вдруг дождь стеною,
Да стеной ещё какую!
Матерьял ей – не картон,
А кирпич или бетон.

До безлюдной остановки,
От кроссовок до толстовки,

Мокрый весь, доковылял
Я, и день в уме сей клял.

Твёрдый в бедствиях Савелий
Молвил речь ко мне: «Ужели
Холод сей так дик, что я,
Мёртвый, вновь умру дрожа?!»

Голова в ответ кивает.
«Зуб на зуб не попадает!
Я устал, замёрз, промок!
Транспорт где в страданья срок?!

Да будь проклята шарага!
Как же я устал однако!
Пусть познает ада жар
Кто поставил нам пять пар!

Чуть не пал я от натуги
В юридической науке
Преуспеть – так есть хочу,
С ног свалюсь щас, не шучу!»

Бла-бла-бла... Устал я жутко!
Где проклятая маршрутка?!
Так, читатель, вечно мог
Длиться этот монолог...

Если б голос монотонный,

К мне и духу обращённый,
Не раздался со спины,
Были мы удивлены.

«Господа, на этой ноте
В разговор сей, вы позвольте
Чуть бестактно, может быть,
Мне, изгнаннику, вступить».

Слов поток изрёк что некто.
Мне напомнил зверя чем-то,
Что вдруг вышел шабутной
На дорогу в мгле ночной.

Грязный, с длинной бородищей,
На бордюре сидя, нищий
Снизу вверх на нас взирал.
Тихо Саве я сказал:

«Дух несчастный, в бедствах твёрдый,
Мне скажи, бедняк сей мёртвый?
Или как способен нас
Здесь двоих его зреть глаз?»

«Он из крови и из плоти,
Данька, и здоров он, вроде.
Словно войнов удалых
Рота, бомж живеи живых».

Упредивши все вопросы,
Что опутали как лозы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.